

Моя любовь — одно твое счастье,
Твое счастье — лишь моя воля.
С твоей красотой мои мешаются страсти,
Твои должны обостряться от боли.

Гийом Аполлинер

Часть первая

Москва

Глава 1

В библиотеке я проводила дни напролет — приходила к открытию и оставалась до тех пор, пока работники читального зала не начинали настойчиво предупреждать о том, что книги пора сдавать. Здесь было чисто, спокойно, уютно, а главное — имелось все, что угодно душе. Такого разнообразия зарубежных изданий, литературоведческих работ, оригинальных источников и переводов не найти больше ни в одном уголке России. Библиотека иностранной литературы имени Рудомино — единственная в своем роде. Пожелтевшие и истончившиеся, как пергамент, страницы книг прошлого и даже позапрошлого века, белые, как сахар, листы только вышедших в свет томов — все было отдано читателям. Целыми днями просиживали здесь голодные студенты-дипломники и такие же, как я, счастливо затерявшиеся между строк бесценных книг аспиранты-филологи. Приходили подготовить статейку или поработать над лекционным курсом преподаватели — профессора и доценты именитых столичных вузов.

Вот уже целую неделю, с момента приезда в Москву, я пребывала в совершенно неземном состоянии — ничего вокруг себя не видела, не замечала. Добравшись до книг, о которых раньше только читала в учебниках по зарубежной литературе, завладев произведениями, которые были известны мне лишь по названиям, звучавшим из уст профессоров, я испытывала ни с чем не сравнимое блаженство. Растворялась в строках, переписывала целые страницы, сравнивала, искала, тонула в собственных мыслях и литературном восторге.

Кто бы мог подумать, что творчество Гийома Аполлинера, над которым я работала, было знакомо мне лишь наполовину! Оказывается, история литературы практически погребла под собой несколько произведений мастера, способных не просто шокировать — скорее уж взорвать мозг любого мало-мальски приличного человека! Какое там наследие Парижской коммуны и революционные мотивы. Бред! Под стать советской эпохе, породившей эту очередную мистификацию, коих на долю Вильгельма Костровицкого, взявшего себе столь звучный псевдоним, и так выпало превеликое множество. То он, подающий большие надежды юноша, рожденный от «неизвестных родителей», стал Гийомом Макабр (первый псевдоним, придуманный для лицейского журнала), то перевоплотился в даму — Луизу Лаланн (так в 1909-м Аполлинер подписывал свои стихотворения и статьи), то спрятался под мантией папы римского и мускулами Геркулеса на шаржах кисти Пикассо. Нет. Все это было игрой. Настоящая сила его искусства крылась в одном — невероятной чувственности страстного гения.

Я сидела за столом читального зала, закрыв глаза, и все глубже погружалась в собственные, взбудораженные новым открытием поэта мысли. Что делать с первой главой, было понятно: начнем с биографии и хронологии творчества Апол-

линера. Личных переживаний Костровицкой никогда не скрывал — его тексты буквально пестрели автобиографическими ссылками, чуть затененными вуалью художественности, — так что увязать «жизнь и творчество» не составит труда. Вторая глава — это анализ прозы, которую, в отличие от стихотворений, знают далеко не все. Новеллы, статьи об искусстве, пьесы, повести, легенды. Во мне проснулся безумный охотничий азарт: поймать то, чего никто не увидел, ухватить за хвост тайный смысл, который скрывается, ускользает и при этом, совершенно очевидно, без усталости бродит между строк. Ну а в третьей главе я задумала провести анализ, а по большому счету, презентацию двух невероятных романов: «Подвиги юного Дон Жуана» и «Одиннадцать тысяч палок». Я улыбнулась про себя — заранее представила, как бесстыдная тень эпатажа, всегда привлекавшая меня в искусстве, ляжет и на самую диссертацию. Выбранные работы оказались не просто смелыми или откровенными — это была настоящая порнография! Но даже возмутительное изложение самых страшных и запретных тайн человеческой жизни благодаря таланту художника блистало художественной чистотой и недюжинной эрудицией, свойственной Аполлинеру. Вот и все три главы диссертации. От которой, если все сложится, как задумано, у почтенных университетских профессоров остатки волос на голове встанут дыбом.

Я плотоядно улыбнулась, возбужденно сверкнула глазами, но тут же спохватилась — вдруг кто заметит. Библиотека все-таки. Поерзав для успокоения на стуле, я начала мысленно отыскивать правильный переход от первой главы к основной части диссертации. Минут пятнадцать сидела не шевелясь и боялась упустить не доведенную до нужного результата мысль. Потом открыла глаза и скользнула взглядом по настенным часам, висевшим перед рядами письменных сто-

лов читального зала. Было почти четыре. «Ч-черт!» — я в панике захлопнула лежавшую передо мной книгу и вскочила со стула. Чуть не вылетело из головы: на четыре назначена встреча с важным господином — профессором Московского университета по фамилии Гуринсон, которого родная кафедра прочила мне в оппоненты. Вообще-то начинать активный поиск было еще рановато — всего-то второй год обучения пошел, даже нечего показать. Но заблаговременное личное знакомство, а заодно и обсуждение темы явно не повредит — вот я и напросилась на встречу. Важный профессор, как ни странно, не возражал: не сетовал на занятость, не набивал себе цену. Просто назвал место и время. Встретиться условились в четыре часа в периодическом зале библиотеки имени Рудомино.

Среди немногочисленных посетителей отдела периодики я сразу интуитивно отыскала глазами своего *vis-à-vis*. Активный, круглого вида старичок интенсивно перебирал файлы одного из библиотечных разделов. Выглядел мой будущий оппонент бодрячком, наружностью обладал улыбчивой и одним своим видом приглашал всех желающих к общению. Простой серый пиджак и черные брюки сидели на нем удобно и вольготно — как домашний халат. Ни надменности во взгляде, как у большинства знакомых мне профессоров, ни возвышенной отстраненности, как у многих, ушедших в науку людей, за Гуринсоном не наблюдалось. «Ну и слава богу», — подумала я, подошла к нему безо всякого смущения, вежливо поздоровалась и поинтересовалась: «Борис Павлович — это вы?»

— Да-а-а, — голос профессора оказался таким же приятным и густым, как и вся его внешность. Широкие брови живо двигались то вверх, то вниз. — А вы, видимо, Яна?

— Да, — искренне улыбнулась я. И изо всех сил постара-

лась понравиться пожилому джентльмену. — Очень рада с вами познакомиться!

— А я-то как рад! — Борис Павлович взял мою руку и вместо того, чтобы пожать ее, поднес к губам. Смущению моему не было границ — едва удержалась, чтобы не вырвать свою ладошку из неожиданно мягкого кокона профессорских рук. У нас в университете как-то было не принято, чтобы заслуженные господа ученые целовали руки ничего не значащим аспиранткам. Но кто их тут, в этой Москве разберет? Может, так надо. — Присядем?

— Конечно-конечно. Как вам будет угодно, — как всегда в общении с научной интеллигенцией, я привычно перешла на «тургеневский» язык.

Следуя пригласительному жесту руки, осторожно опустилась за стол, похожий на обычную школьную парту с крашевым верхом. Профессор галантно подождал, пока я устроюсь, и старательно втиснулся рядом.

— Так вы занимаетесь прозой Костровицкого? — уточнил он. — Интересно. Так уж сложилось, что Аполлинер у нас известен прежде всего как поэт.

— Да. Хотя такая известность не вполне справедлива. — Я подняла глаза на профессора — казалось, он был весьма заинтересован темой разговора, — вздохнула с облегчением и привычно отдалась течению литературно-светской беседы. — Сам Аполлинер считал свою прозу не менее значимой, чем поэзию.

— Безусловно. Здесь вы правы! — с готовностью подтвердил Борис Павлович. — А знаете, что господин Костровицкий был в каком-то смысле нашим с вами коллегой? — Профессор придвинул свой стул ко мне поближе. — Он занимался библиографическими изысканиями, давал предисловия к изданиям, писал критические статьи.

— Знаю, само собой, — от страха перед нападающим стулом я забыла о «правильном» тоне и, постаравшись как можно более незаметно переместиться на дальний краешек стола, добавила: — Его литературоведческие работы стоит почитать.

— Вот именно! — Гуринсон неожиданно вскочил с места и протянул мне руку. — Пойдемте! Я вот только недавно видел здесь название статьи. — Он потащил меня к ящикам картотеки, явно посвященной этой стороне творчества Аполлинера.

Картотека периодического зала представляла собой довольно запутанный лабиринт из невысоких железных шкафов с выдвигаемыми ящичками, до отказа набитыми картонными карточками с исходными данными статей зарубежных журналов и газет. Гуринсон увлек меня в самый дальний угол, присел на корточки и стал сосредоточенно копаться в одном из отсеков, постоянно повторяя: «Где-то вот здесь» или для разнообразия: «Где же я видел?». Я, не считая возможным невежливо возвышаться над почтенным пожилым господином, присела рядом с ним и стала с интересом наблюдать за молниеносными манипуляциями привычных к подобной работе рук. «Вот ведь, — пронеслась досадливая мысль, — а я до периодических изданий так и не добралась. Как бы все успеть за оставшуюся неделю? Еще столько непрочитанных статей, не добытой информации. А времени так мало — хоть плачь». И тут, совершенно неожиданно, Гуринсон оторвался от карточек, повернулся ко мне и, стремительно приблизив свое полное морщинистое лицо к моему, ткнулся губами в мою щеку. Я оторопела. На секунду показалось, что все это мне почудилось, что не было никакого поцелуя — только плод больного воображения, взбудораженного чтением непристойных романов Аполлинера. Но горячая слюнявая отметина на щеке настаивала на своем. В голове запоздало мелькнуло: «Нужно

дать ему пощечину и убежать», только вот рука на пожилого «джентльмена» не поднималась. Высказаться тоже было трудно. Я онемела от обиды, возмущения и сидела в нерешительности до тех пор, пока не стало поздно что-то менять. Потом медленно встала. Профессор, довольный своей маленькой победой, с сияющим видом поднялся вслед за мной.

— Яночка, — запел он соловьем, — а вы приходите ко мне. Поработаем над вашей диссертацией в спокойной обстановке. Я вам и с периодикой помогу.

— Вы знаете, мне пора, — слова выдавливались с трудом.

— Да-да, конечно, — заливался Гуринсон. — Вы мне позвоните, и мы обо всем договоримся. Обязательно договоримся!

— Я пойду. — Я повернулась к профессору спиной. — До свидания.

— Вот-вот! — Он никак не мог угомониться. — Именно — до свидания! Я ведь могу на вашу работу рецензию прекрасную написать! И со вторым оппонентом помочь! У меня везде превосходные связи!

Глава 2

Не оборачиваясь, я шла к выходу из зала и все еще слышала за спиной удаляющийся голос профессора. Левая щека до сих пор оставалась отвратительно влажной и почему-то чесалась. Я вытащила из кармана носовой платок и, спускаясь по лестнице, беспощадно, со злостью, терла кожу в том месте, куда приложился Гуринсон. «Старый козел!» — как заевшая пластинка, пульсировало в мозгу. Самым обидным в этой истории было то, что мое чудесное настроение, мое восторженное витание в облаках литературы было грубо прервано, и я с грохотом

несчастного Икара свалилась на землю. Чувство прекрасного, восхищение, вера в возвышенный смысл бытия таяли на глазах, оставляя в душе мутную грязноватую лужу серой тоски. Я села на свое место в читальном зале — книги и тетради лежали так же, как я их оставила. Мысли о пошлости и грязи метались в голове как сумасшедшие. Как ни старалась, но заставить себя успокоиться и вернуться в рабочее настроение я не могла — мерзкий поцелуй похотливого старикашки совершенно вышиб из колеи. Да уж, правду говорят, искусство облагораживает. Читать подобные сцены в прозе Аполлинера было забавно, а самой свалиться в ту же яму... Бр-р-р! Я раздраженно отодвинула стопку книг и посмотрела на часы. До закрытия библиотеки времени оставалось много. Покинуть поле боя и потерять несколько часов работы я не имела права, поэтому, чтобы отвлечься, решила пока прочесть одну из статей Аполлинера. Я раскрыла книгу на нужной странице и стала медленно водить взглядом по строчкам. Голова работала плохо, французский текст поддавался неожиданно тяжело, а мысли все время куда-то убегали. Каждое предложение приходилось перечитывать по нескольку раз, прежде чем оно раскрывало передо мной свой истинный смысл.

Промучившись минут десять, я отложила книгу и стала внимательно рассматривать обложки остальных пяти изданий, выбранных мной для работы. Раз с французским языком сегодня все так печально, нужно заняться хотя бы русским текстом. Взяв в руки издание писем Аполлинера в переводе Левиной и Львова, я углубилась в чтение.

С эпистолярным наследием Костровицкого я уже была знакома, в оригинале. Но у меня оставалось непреодолимое ощущение того, что во многих письмах — прежде всего в любовной переписке поэта — я чего-то недопоняла. То ли слова употреблялись в жаргонном и устаревшем значении, которого

я не знала и не могла найти в современных словарях, то ли мне не всегда точно удавалось истолковать эмоциональность и смелость автора — одним словом, смысл оставался либо расплывчатым, либо странным. Поэтому профессионально аккуратный перевод оказался очень даже кстати.

Я начала с середины — с цикла писем Аполлинера к Луизе де Колиньи-Шатийон. В свое время он показался мне наиболее загадочным и непонятым. Начало переписки датировалось концом сентября 1915 года и было воплощенной романтикой, искренним восхищением предметом юной любви. Более поздние письма разительно отличались. Только теперь до меня наконец дошло, какие именно куски вводили в ступор и путали смысл при чтении оригинала: «...я вспоминаю сладостные мгновения, проведенные с моей обожаемой Лу, которой я хочу отдать всю свою любовь, нежность и страсть. Я хочу, чтобы ты до самой смерти была покорна мне во всем, и, чтобы принудить тебя к этому, я буду хлестать тебя по ягодицам, твоим пышным, бархатистым ягодицам, которые трепещут, расходятся и сладострастно сжимаются, когда я их стегаю. Я буду хлестать их до крови, пока они не станут цвета клубники с молоком. Эти две прекрасные выпуклости должны по справедливости принять цвет красной кардинальской мантии. И я постараюсь им его придать. Я заставлю их мучиться от боли и наслаждения, а потом войду глубоко в тебя, трепещущую, впившись в твои губы, а если ты не отдашься, я приготовлю тебе новые муки, я воткнусь в твой зад до самого основания моей палки и заставлю тебя кричать от боли, разрывая этот прекрасный зад, который не заслуживает ничего другого и к которому я был до сего времени слишком снисходителен».

Я, уже во второй раз за каких-то полчаса, впала в мягкую разновидность комы — застыв, сидела тихо, как мышка, и боялась пошевелиться. Прочитанные строки горячо пульси-

ровали в мозгу. Вдруг показалось, что все вокруг только и делают, что смотрят на мои красные от стыда щеки и заглядывают в книгу через плечо, чтобы понять, что это такое волнуящее девушка там читает. Я осторожно огляделась по сторонам и вздохнула с облегчением, убедившись в том, что каждый посетитель занят своим делом. Как могла, прикрыла книгу руками и продолжила читать.

«Мне кажется, что я проникаю в тебя везде, — словно шептал мне на ухо чувственный мужской голос, — даже там, где ты боишься, мне кажется, я вижу, как ты содрогаешься, когда я заставляю тебя почувствовать, что ты принадлежишь мне, что я имею на тебя право, право укрощать тебя, заставлять тебя страдать, право подавлять твою гордость и волю, мне кажется, я вижу, как ты покоряешься мне и воздаешь мне ртом честь спереди и сзади. Мне кажется, я уже вижу, как мы пойдем дальше по дороге любви, и все безумства откроют свои шлюзы, чтобы мы могли плыть по волнам страсти. Лу, все потоки моего существа устремятся в тебя, я хочу утомить тебя всеми способами, чтобы ты просила пощады у своего возлюбленного, который подарит ее тебе, если только сам того захочет. Обожаю тебя, целую».

Я нервно захлопала глазами и заерзала на стуле. Сложно объяснить, но вместо того, чтобы назвать своего драгоценного Аполлинера извращенцем и не принимать близко к сердцу весь этот бред, я только крепче сжала книгу в руках и почувствовала страшное возбуждение. Словно все его слова были обращены ко мне, словно они намеренно потопили меня в пучине сладострастия и стыда. Непрошенное и неуместное в условиях читального зала состояние настолько завладело моим существом, что уже невозможно было приказать себе успокоиться и продолжить читать, не обращая внимания на чувства. «Моя Лу. — Я снова впилась голодными глазами в текст. — Ты представить не

можешь, как я хотел тебя вчера и сегодня ночью. Я представлял твоё тело, эту влажную плоть в таинственном гроте, приюте сладострастия. Я представлял, что если бы ты не ответила мне, как я хотел, то во время нашей следующей встречи я бы поставил тебя голой на четвереньки, по-собачьи. Я бы стегал тебя, пока ты ласкала меня ртом, и сжалился бы над тобой, лишь удостоверившись, что ты окончательно покорилась... А под конец пронзил бы тебя насквозь».

Кажется, я сошла с ума! Пришлось насильно закрыть глаза — другого действенного способа оторваться от этого чтения я не в состоянии была изобрести. Перед зрачками, под поддрагивающими веками, плыла кроваво-красная дымка. Во всем теле ощущалась навязчивая истома. Я снова заерзала на стуле, пытаюсь сбросить с себя невероятно острое возбуждение. Эффект оказался обратным. Не открывая глаз, я захлопнула книгу. Вскочила с места, открыла глаза и торопливо засеменила в сторону туалета, еще больше распаяя каждым движением неугомонную плоть. Самой сложной задачей было сейчас скрыть от многочисленных посетителей библиотеки, преданно уткнувшихся в книги, свое жуткое состояние, которое, как мне казалось в тот момент, сияло у меня на лбу огромными огненными буквами.

В читальный зал я вернулась уже совершенно нормальным человеком. Ледяная вода — специально не открывала кран с горячей — лучший способ очнуться от наваждения. Я подошла к своему ряду и начала было протискиваться к столу. Но — то ли я перепутала залы, то ли кто-то весьма наглым образом занял мое место — свободных столов в ряду не наблюдалось. Я на всякий случай, вытянув шею, рассмотрела своих бывших соседей — все как один на месте. Взглянула на книги, лежавшие на моем столе, — все верно, их я и выписывала.. Значит, зал правильный. И ряд тоже. Только

вот стол мой занял молодой человек в очках, который как ни в чем не бывало увлеченно читал. Вид у него был сосредоточенный, лицо — напряженное. И весь он выглядел потерянным, словно мысленно находился где-то далеко. Я обругала его про себя нехорошими словами и стала пробираться к столу с твердым намерением выгнать наглеца. Даже открыла уже рот, чтобы произнести вслух адаптированный вариант раздраженной мысли, как с ужасом обнаружила, что читает он те самые письма Аполлинера. Мне стало не по себе. Нужные слова застряли в горле — захотелось просто сбежать потихоньку и не признаваться, что это мой стол и мои книги. Только вот незадача — чтобы получить назад читательский билет и беспрепятственно выйти из библиотеки, книги, все до единой, нужно сдать.

— Простите, это мое место. — Я начала вежливо, но жестко, старательно вплетая в интонацию суровые ноты.

— Я знаю, — молодой человек произносил слова медленно и бесцветно. Он, похоже, с большой неохотой оторвался от чтения, поморгал глазами, словно отгонял какие-то видения, и только потом посмотрел на меня. — Вот эта книга — тоже ваша?

Он закрыл том, чтобы я увидела обложку. Можно подумывать, и без того непонятно, во что он там впился мутным взглядом. Встать с моего стула нахальный незнакомец и не подумал. Раздражение переросло в бешенство — мало того, что влезли на личную, даже запретную, территорию, так еще и пытаются допросы учинять!

— Библиотечная, — прошипела я так яростно, что добрая половина посетителей читального зала недоуменно оглянулась.

— Это хорошо. — Он продолжал спокойно сидеть, а я по-прежнему стояла над ним и ощущала себя идиоткой. — А то я было сильно испугался.

— Чего испугались?! — бешенство внутри меня все росло и росло.

Мы молча буравили друг друга взглядами, зрачки в зрачки: я враждебно, юноша сосредоточенно. Глаза у него были серыми. Или, может быть, голубыми?

— Ну, — молодой человек наконец медленно поднялся с места, прихватив книгу с собой, — если вам она больше не нужна, тогда я заберу. Почитать.

Первой моей мыслью было треснуть его по рукам, второй — пожаловаться пожилой библиотекарше, которая выдавала заказанные книги и наблюдала за порядком в зале. Я двинулась было в ее сторону, но тут почувствовала, как меня крепко схватили за запястье.

— Я пошутил, — прошептал он таким томным голосом, что внутри у меня все задрожало. Кажется, именно в этом тембре звучали в моем воспаленном мозгу отрывки из писем Аполлинера. — Просто вы мне понравились. Я за вами уже целый час наблюдаю, только не знал, как подойти. К тому же вы были страшно увлечены. А тут...

— Мне это неинтересно! — пересиливая себя, я произнесла-таки давно заготовленную фразу. Еще чуть-чуть, и его шепот сделал бы из меня глупую шимпанзе, оказавшуюся во власти удава. — Пустите!

Я взглянула на него с негодованием и с силой отдернула руку, которая с трудом, но все же вырвалась из его ладони.

Незнакомец положил книгу на стол, встал — его лицо оказалось совсем близко, — загадочно улыбнулся и ретировался. Я плюхнулась на отвоетанный стул и перевела дыхание. И что за день такой выдался?! Раньше мне всегда казалось, что библиотека — самое безопасное на свете место. А тут — два покушения всего за какой-нибудь час. Я покачала головой, тяжело вздохнула и решила собираться домой. Сосредоточиться

на работе после пережитых душевных баталий все равно не получится. Складывая библиотечные книги в стопку, я заметила, что из того самого злополучного экземпляра с письмами, где-то посередине, торчит уголок белой плотной бумаги. Я потянула за него и извлекла на свет божий визитную карточку:

ЧЕРЕМЕЗ

Артем Валентинович

Аспирант кафедры квантовой статистики,
физический факультет МГУ

«Ничего себе, — возмущению моему не было предела, — совсем они в этой Москве обнаглели! У нас далеко не каждый профессор визитки себе может позволить. А тут, полюбуюсь — аспирант!» Я демонстративно положила визитную карточку посреди пустого стола, взяла сумку и отправилась сдавать книги.

Глава 3

На улице было темно и сыро. С неба кружевным полотном падал мягкий пушистый снег, который, попав на землю, тут же таял и превращался в мерзкую жижу. Я торопливо шагала к метро. Всю дорогу — вниз, вниз, вниз. Мимо шикарных, огражденных коваными железными решетками особняков, мимо сверкающих огнями ресторанов и кафе, мимо припаркованных вдоль обочин за пределами дорогих машин и манящего к себе Театра на Таганке. Этот ежедневный путь — от метро до библиотеки утром и обратно вечером — лишал меня и так весьма хрупкого душевного равновесия. Ощущала я себя в центре Москвы так, будто попала на чужую планету, в незнакомый и неприветливый мир инородных существ. На всем лежала здесь печать роскоши и богатства. Тень непонятного и необъяснимого. Что там делается в этих особняках, за

вывесками с названиями банков и каких-то компаний; что происходит в салонах шикарных машин и как они выглядят изнутри; что подают в этих безумно дорогих ресторанах, к которым даже страшно подойти? Все было окутано мраком. Все возбуждало тысячу вопросов и не давало ответа. Вот бы когда-нибудь взглянуть на эту жизнь поближе!

Но главная проблема была даже не в этом, а в том, как я себя здесь ощущала. В простенькой мутоновой шубке я казалась себе нищенкой в сравнении с уверенно открывавшими тяжеленные двери банков меховыми красавицами.

Стараясь придать походке независимость и тщательно замаскировать унижительное «я здесь — хуже всех», я мечтала только об одном: превратиться в невидимку, до которой никому нет дела. Сегодня, кажется, мне это вполне удалось — до пешеходного перехода я добралась без приключений. И, только пересекая дорогу от Театра на Таганке ко входу в метро, вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный и горячий взгляд. Я непроизвольно вздрогнула всем телом и обернулась. Тот самый «Черемез Артем Валентинович» из библиотеки со своей наглой и в то же время необъяснимо притягательной улыбкой.

— Вы забыли кое-что на столе.

Он поймал мою руку, затянутую в перчатку, вложил в нее визитную карточку и зажал пальцы.

— Послушайте! — Я запоздало отстранилась и от волнения перешла на «профессорский» стиль. — Вы до неприличия настырны. Я не взяла вашей визитки, потому что не намерена с вами общаться. Ясно?

— Ясно. — Артем шел рядом и не думал отставать или обижаться на резкие выпады с моей стороны. — Хотя, сдается мне, словом «неприлично» можно назвать не только мою настырность, но и то, ради чего вы ходите в библиотеку, —

издевательски копируя мой «парадный язык», самоуверенно улыбнулся он.

— Это абсолютно не ваше дело! — бросила я, задыхаясь от возмущения и покраснев как рак.

— Мое, — просто сказал Артем. — Потому что ты мне нравишься.

— Это не дает вам никакого права! — Я нервничала и готова была лопнуть от злости.

— Пусть так. — Артем легко поспевал за мной, хотя летела я вперед как угорелая. — Пока не дает. — Он выдержал многозначительную паузу. — У меня предложение — пойдем завтра в консерваторию?

— Нет! — отрезала я, не задумавшись ни на секунду, и скрылась за стеклянными дверями метрополитена.

Догонять меня Артем не стал. Но я знала, что он смотрит мне вслед, потому что спиной чувствовала на себе его обжигающий взгляд.

На следующее утро, как всегда, я ехала в библиотеку. Ночь прошла беспокойно, несмотря на накопившуюся за неделю усталость я долго не могла уснуть. И дело не в том, что спала в чужой кровати, в квартире маминой московской подруги, — за неделю вполне привыкла — а в том, что я непрерывно думала о противном поступке Гуринсона и настырной бесцеремонности Черемеза. Ну и фамилии подобались! «Неужели, — рассуждала я, лежа с открытыми глазами, — этот самый Борис Павлович ко всем студенткам и аспиранткам пристаёт? И куда же смотрит его жена, если он с ходу тащит всех к себе домой?» «А вот непонятно, — завертелась в голове еще одна идиотская мысль, — у него в силу возраста уже только теоретический интерес или он все еще на что-то претендует?» Я хихикнула и тут же тяжело вздохнула. Жалко, что все так вышло: только начала говорить с умным человеком на интересную тему и нате вам, такой облом.

Теперь уже и в оппоненты его не позовешь: я лично ни за какие рецензии и связи не соглашусь с ним переспать. Даже не обсуждается! Придется менять планы, а все из-за такой ерунды, как слюнявый поцелуй любвеобильного старикашки! Я решила, что завтра же выдеру лист с номером его телефона из своей записной книжки, а по возвращении попрошу Ирину Александровну — моего научного руководителя — помочь с поиском другого оппонента. Лучше, если это будет женщина.

Дальше мысли, взбудораженные эмоциональным напряжением минувшего дня, плавно перешли к обладателю фамилии Черемез. Только сейчас, лежа в кровати, я поняла, что внешне Артем Валентинович мне понравился, даже очень. Просто тогда я была слишком зла на него, чтобы думать о чем-то еще. Настырный, как и сам хозяин, образ всплыл перед внутренним взором. Я перевернулась на другой бок, пытаюсь его прогнать. Не получилось. Несколько часов я ворочалась с боку на бок, сражаясь с бессонницей и терпя поражение за поражением.

Потом усилием воли переключила предательское сознание в правильный режим работы «моя Катюша» и сосредоточилась на мыслях о ребенке. По своей крошечной дочке за неделю жизни в Москве я соскучилась невероятно — так долго мы еще ни разу не расставались. Я подсчитала, что не видела Катеньку уже целых двести часов. Удивилась, что цифра получилась такой огромной. Подумала о том, как там бабушка справляется без меня, чем кормит мою малышку, что ей читает, водит ли на прогулки, и наконец провалилась в тревожный и прерывистый сон.

Пасмурное выползание из постели в семь утра сопровождалось головной болью и чувством хронического недосыпа. Немного помог душ. Но состояние все равно было квелым, и я дольше обычного возилась, собираясь в библиотеку.

Я уже почти оделась, но тут неожиданно подумалось, что неплохо бы сменить привычные свитер и джинсы на что-нибудь более привлекательное — все-таки суббота сегодня, канун Восьмого марта. Вдруг успею после библиотеки в музей. Или, может, Лидке позвоню — однокласснице своей бывшей. Погуляем. А то за целую неделю холостяцкой жизни в Москве так никуда и не выбралась. Обидно.

Я достала из дорожной сумки единственный наряд — прямое черное платье длиной чуть выше колен, плотно облегающее фигуру. Сшитое на заказ, оно сидело идеально — это был беспроегрывный вариант на все более-менее праздничные и торжественные случаи моей жизни. Хочешь — в театр или на день рождения к подруге, хочешь — на дискотеку. Любой каприз. Разумеется, для полноты эффекта нужно было хотя бы чуть-чуть подкраситься и уложить волосы. Я махнула рукой на то, что опаздываю к открытию библиотеки, и стала переодеваться. На все про все ушло чуть больше часа. Зато отражение в зеркале порадовало и даже подняло настроение. Все-таки красота — страшная сила.

Пресыщенная за неделю литературными шедеврами и раритетами душа активно жаждала простого человеческого праздника. Да только где ж его взять?!

День в библиотеке прошел спокойно — то есть как обычно в этом уютном царстве зарубежных книг. Единственное, что меня вдруг огорчило, — никто сегодня не претендовал на мою персону и даже внимания на нее не обращал. А я, совершенно непроизвольно, то и дело отвлекалась от работы и оглядывалась по сторонам. Зря, что ли, так старалась? Но публика, как назло, была все больше женского пола. Редкие экземпляры представителей мужской половины (или уже трети, судя по концентрации?) человечества «приятностью» не отличались: потерянные лица, безумные взгляды, стеснительные движе-

ния — одним словом, «ботаники от литературы». Пришлось прервать свое в корне бесполезное занятие по изучению контингента и углубиться в чтение. «И как только вчерашний физик сюда попал? — подумала я, прежде чем окончательно уйти с головой в науку. — Просто странная случайность».

Я заказывала нужные книги, выписывала в тетрадку цитаты из работ зарубежных исследователей творчества Аполлинера, особо интересные главы ксерокопировала. Правда, последнее было удовольствием не из дешевых. Но выбора не оставалось. Необходимо было привезти в Казань максимальное количество нужного материала. В родном университете, да и во всем городе, таких книг не отыскать. Наука у нас держалась исключительно на энтузиазме и безумной преданности делу профессорско-преподавательского состава. С материальной базой, начиная с библиотеки и заканчивая техническими средствами и заработной платой, дела обстояли плохо. А уж после кризиса вообще все стало хуже некуда. Были лишь студенты, зараженные бактерией творчества и искусства, были аспиранты, с головой погрузившиеся в литературу. Вот и весь базис для развития. «Чистое искусство» в своем натуральном, нетронутом виде. Денег на приобретение новой литературы у библиотек не наблюдалось. Компьютер был хорошо если один на кафедре. Никакие командировки аспирантам не оплачивались. Необходимо собрать материал — выкручивайся, как знаешь. Нужно участвовать в иногородней конференции — придумывай, что сможешь. Вот тебе стипендия в размере пятисот рублей в месяц. Не хватает — зарабатывай, где и как сумеешь. Пока не родилась Катерина, я именно этим и занималась. Преподавала французский язык студентам первого курса в педуниверситете, давала в невероятном количестве частные уроки, от которых меня тошнило, бралась за любые оплачиваемые переводы. Но попадались они крайне редко — после 98-го го-

род приходил в себя тяжело. И весь бизнес либо загибался на корню, либо влачил жалкое существование. Откуда же взяться зарубежным контрактам?

Можно было, конечно, придумать для себя что-то еще, более доходное. Но плотно вбитое в голову научно-коммунистическое воспитание страшно мешало. Ни продавать, ни посредничать, ни «делать бизнес» — ничего такого я не могла. Может, это и хорошо — не знаю, но прожить на добытое по специальности, «честным путем», стало почти невозможно. Каждый теперь выкручивался как мог и порой не без экзотики. Лучшая моя подруга Ирка, которая днем была преподавателем английского языка в химико-технологическом институте, по ночам танцевала стриптиз в только что открывшемся в городе престижном ночном клубе отеля «Сафар». Эта работа подвернулась Иришке совершенно случайно — школьная подруга попросила сходить с ней на кастинг в новый клуб, одной было страшно, да и неловко. Ирка по природной доброте своей согласилась. Участвовать сама и не думала. Но когда их завели в кабинет менеджера и стали задавать разные вопросы, ей показалось неудобным объяснять, что она пришла просто за компанию. И Ира вслед за подругой сдержанно отвечала. А потом менеджер встал из-за стола, подошел к ней и рявкнул так, что Ирка чуть не до потолка от страха подпрыгнула: «Свитерними!» Она сделала это автоматически, просто от испуга. За свитером последовал лифчик. В результате подруге отказали, а в Ирку вцепились мертвой хваткой. Даже уроки стриптиза бесплатно давали, что вообще было случаем беспрецедентным. Так вот все само собой и сложилось. Но Ира выглядела теперь вполне довольной жизнью — за вечер в клубе на одних коктейлях, которые заказывали для нее щедрые клиенты (а приносили ей по строгой договоренности с официантами то воду, то сок — в зависимости от характера

подменяемых ингредиентов), она порой зарабатывала больше, чем за полгода преподавания в институте. Ничего не скажешь, устроили нам господу хозяева страны подмену ценностей и веселую жизнь. Но Ирке, кажется, даже нравилось. Была в ней какая-то тайная страсть к эксгибиционизму. Единственное, что по-настоящему смущало, — страх повстречать на собственных выступлениях своих же студентов. Вот это было бы совсем некстати. Хотя бог миловал: таких денег, чтобы забрести в это дорогущее заведение, у ее студентов, к счастью, не наблюдалось. Сыночки богатых папенок учились совсем в других вузах и чаще всего за границей.

Одним словом, жизнь шла своим чередом. Каждый спасался как мог.

Очнулась от своих мыслей я только в тот момент, когда сотрудники библиотеки вежливо, но громко напомнили посетителям о том, что «в связи с предпраздничным днем читальные залы закрываются на два часа раньше». Я вздохнула с сожалением и отругала себя за разгильдяйство — за целый день не успела осилить и половины намеченного.

Вниз, в гардероб, я спускалась в абсолютно потерянном состоянии. «Вот ведь, — думалось с досадой, — и не поработала толком, и зря по сторонам вертелась». Я медленно представляла ноги со ступеньки на ступеньку и понуро разглядывала стены, на которых висели яркие репродукции. Перед последним лестничным пролетом взгляд, вместо того чтобы зависнуть на очередной картинке, предательски уперся в телефон-автомат. Я в задумчивости остановилась, поразмыслив, достала из сумки визитку Артема, долго на нее смотрела, даже нашла в кошельке два телефонных жетона, но так и не решилась позвонить. «Подумаешь, понравился запоздало. Даже и не вздумай, — убеждала я себя. — Дамы, особенно замужные и с ребенком, малознакомым мужчинам не звонят.

Позвони лучше Лидке». «Лидке не хочу! — раскапризничалась вторая, более развязная моя половина. — Не очень-то мы с ней и дружили. Она — зануда». В конце концов я грубо оборвала этот внутренний диалог: «Нечего вообще куда-то звонить!» — и надула губы. В гардероб спустилась в таком вот — обиженном на себя саму — виде.

Глава 4

На улице снова шел снег. Правда, теперь он, как приличный, спокойно ложился на землю и не таял. Заметно похолодало, и сияющие снежинки старательно прикрывали разведенную вчера ими же самими, вялыми и размокшими, грязь.

Двор библиотеки был большим и красивым, особенно летом, когда все утопало в зелени. Неслучайно именно здесь, на удобных деревянных лавочках, собирались уставшие за день счастливые студенческие компании.

Сейчас, само собой, было пусто. Я шла не торопясь. Гуляла. К маминной подруге сразу возвращаться не хотелось — скучно, по улицам долго не походишь — холодно, и я принялась размышлять над тем, куда себя деть. Очень хотелось пойти в театр. Но баловать себя развлечениями я не могла — деньги нужно было экономить, еще целую неделю жить в Москве. А если купить билет на спектакль, то потом ни на метро, ни на «сухой паек» вместо обеда, ни на ксерокопии статей не хватит. Разве что музей — Третьяковку или Пушкинский — я вполне могла посетить без особого урона для тощего бюджета, но сейчас ехать туда было уже поздно. Мне снова взгрустнулось. Вообще-то всю жизнь я прекрасно знала, что деньги значения не имеют, а важно совсем другое. Но при всех этих знаниях скудость средств или их периодическое отсутствие

страшно портили жизнь. Прибивали мощным прессом к земле. Хотелось сжаться в комок, стать крошечной, а потом и вообще исчезнуть, вместо того чтобы с любопытством разглядывать развешанные по всей Москве афиши, украдкой просматривать выставленное перед входами в рестораны меню. И знать, что ты никогда в жизни не попадешь на этот спектакль и не попробуешь загадочную лазанью или ризотто.

— Яна! — Я автоматически обернулась на звук своего имени, хотя знала, что здесь, в центре Москвы, абсолютно некому меня окликать. Просто зовут какую-то другую Яну.

Но навстречу мне торопился Артем. Сердце запрыгало внутри как сумасшедшее и успокоилось только после того, как несколько раз больно ударилось о ребра. Я и смутилась, и обрадовалась.

Артем выглядел немного замерзшим, но прямо-таки сиял от счастья. Надо же!

— Слава богу, я вас дождался. — Он говорил быстро и еще быстрее приближался ко мне, словно боялся, что сейчас я убегу. — А то бы еще немного — и примерз к этой чертовой лавочке.

— А откуда вы знаете, как меня зовут? — Я искренне была удивлена.

— Ну, просто я внимательный, — похвастался Артем и тут же, пресекая дальнейшие расспросы, добавил: — Хотя вообще-то я не люблю выдавать свои секреты!

— Что ж, это хорошее качество, — с улыбкой одобрила я, не слишком обеспокоившись его осведомленностью. — Не в смысле скрытности, а в смысле внимания.

— Вы меня уже хвалите — значит, прогресс есть! Так как насчет консерватории? — Артем смотрел мне прямо в глаза. (Я с радостью отвела бы взгляд, но не могла — каким-то за-

гадочным образом его глаза доминировали над окружающим миром и притягивали к себе.) — Составите мне компанию?

— А вы настырный! — нервно рассмеялась я.

— Конечно, у вас еще вчера была возможность в этом убедиться. Так как? — повторил он вопрос.

— Сегодня — с удовольствием! — и сообразив, что перегнула палку, я строго заметила: — Но не думайте, что это что-то значит.

— Не думаю! — радостно мотнул головой Артем (последнюю фразу он, кажется, пропустил мимо ушей и ответил чисто автоматически). — А я-то боялся, снова придется долго и нудно вас уговаривать. Вчера вы не были такой дружелюбной.

— Это потому что вы плохо себя вели. — Я демонстративно надула губы. — Терпеть не могу, когда берут чужие вещи.

— Прошу прощения. Больше не буду, — с готовностью извинился он, потом немного задумался и добавил: — Но вы мне не слишком верьте.

И тут же убедил в правильности внесенной коррективы — не спрашивая разрешения, взял мой «рабочий» портфель из черного кожзаменителя, схватил меня за руку и потащил в сторону метро. Вырваться не хотелось. Тепло его ладони ощущалось даже сквозь перчатку.

— А как вы здесь вчера оказались? — Я первая нарушила молчание и кивнула назад, в сторону библиотеки. — Что-то я не замечала, чтобы интересы физиков и лириков по жизни совпадали.

— На самом деле все просто, — усмехнулся Артем. — Я к кандидатскому экзамену по английскому языку готовился. Мне заранее сказали, что будет за статья (наша англичаночка хорошо ко мне относится). Хотелось найти и прочитать.

— Ну и как, нашли?

— Нашел. — Артем засмеялся. — Только прочитать не успел. Вы с вашим Аполлинером меня отвлекали.

— Извините. — Я смутилась и опустила было глаза, но вовремя опомнилась. — Вернее, мы с Аполлинером тут ни при чем! Вы сами пришли и сели на наше место! Да еще и начали чужие книги читать — стыдно должно быть!

Для вящего успеха своего бесхитростного воспитательно-го приема я еще и руку выдернула из его ладони и тут же с детским любопытством поинтересовалась:

— А вам нравятся его произведения?

— Вообще-то я не слишком хорошо разбираюсь в литературе. — Артем пожал плечами. — Слышал про «Алкоголи», может, что-то когда-то читал. Не помню. Одним словом, знаю, что существовал такой поэт. Вот и все.

— А прозу его не читали? — я, заведя разговор в интересное мне русло, с удовольствием взгромоздилась на излюбленный конек.

— Нет. Вчера вот только столкнулся благодаря вам с образчиком эпистолярного жанра. — Артем усмехнулся. На лице его отразилась целая гамма чувств.

— Ну, письма — сами по себе. — Я почувствовала, что краснею, и постаралась поскорее сменить опасную тему. — На самом деле у Аполлинера есть что почитать и помимо. В смысле, романы, рассказы, пьесы.

— Так у вас диплом на тему «Аполлинер — прозаик» или что-то вроде? — с улыбкой спросил Артем.

— У меня — не диплом, — совершенно серьезно обиделась я. Вечно все принимают меня за девчонку. А ведь двадцать два года уже! Ребенку семь месяцев! Как же надоели этот маленький рост и худосочное телосложение! — Я диссертацию пишу.